

УДК 176: 130.3: 177.61

Н.В. ШЕЛКОВАЯ (к. филос. н., доц.)

Харьковский национальный педагогический университет

им. Г.С. Сковороды

nshelk@rambler.ru

ЭРОТОЛОГИЯ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

В статье выявляются особенности взглядов Н. Бердяева на природу эроса. Н. Бердяев выводит в качестве источника эроса тоску: тоска по утраченной в акте грехопадения целостности, обретаемая при соединении полов, тоска по Богу. При этом он резко противопоставляет эрос и секс. Не в одухотворении секса, а в «уходе» от него философ видит подлинно человеческую, божественную любовь. К творчеству жизни – зачатию и рождению детей – философ относится крайне негативно, видя в этом лишь животное воспроизводство смерти, ибо всё, что рождается – умирает. По мнению Бердяева, лишь в духовно-душевном единении мужчины и женщины рождается состояние целостности человека, его андрогинности. Таким образом, эротология Бердяева – это эротология слияния, духовного единения мужского и женственного, мистическое духовное соединение двух полов и образование целостного бесполого существа муже-девы – андрогина.

Ключевые слова: эротология, пол, эрос, тоска, мистическая любовь, мистическое соединение, андрогин.

История всех цивилизаций пронизана двумя ведущими интенциями: борьбой за власть, ведущая к неисчислимым жертвам, страданиям и смертям (войны, революции, политические перевороты), и всепроникающим, всеми жаждемым с неизменной силой стремлением к любви. Танатос и Эрос. Причем, воля к власти имеет не только социальный, но и экзистенциальный аспект: как воля к власти мужчины над женщиной и женщины над мужчиной, скрещивание этих волей, ведущее к трагедиям, о чем прекрасно писал Ф. Тютчев:

«Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной –
Их съединенье, сочетанье,
И роковое **их** слиянье,
И... **поединок роковой...**» (курсив мой – Н.Ш.).

И любовь, снедаемая муками ревности или страстью, порождает страдание, ненависть и... смерть. Более того, как смерть «живет» в жизни, так страдание, боль «живет» в радости и любви как «страдость» и «любошь» (М. Эпштейн). Однако, хотя любовь изначально заложена, по меткому наблюдению М. Эпштейна, в самом слове – «*человек*», если использовать для его написания кириллицу и латиницу [1, с. 8], т.е. является изначально, глубинным, сущностным свойством человека, хотя описание и осмысление феномена любви велось поэтами, прозаиками и философами всех времен и народов, сам феномен не являлся до недавнего времени предметом специальной науки – эротологии, основные методологические принципы которой были сформулированы М.Н. Эпштейном [1, 2].

Интересно, что своеобразным «духовным отцом» основателя эротологии как науки, Михаила Эпштейна, был замечательный и любимый им русский религиозный философ-персоналист, стоящий у истоков экзистенциализма, с потрясающей глубиной и экспрессией осмысливающий проблему эроса и пола, Николай Бердяев. И мною любимым, прибавлю я, до тех пор, пока... Пока я не вчиталась в его тексты и не увидела в них то... ЧТО я увидела и почувствовала в текстах Н. Бердяева, посвященных проблеме эроса, и будет предметом данной статьи об эротологии Н. Бердяева.

В своем «Самопознании», начиная размышления об эросе, Н. Бердяев выводит в качестве источника эроса *тоску*: тоска по утраченной в акте грехопадения целостности, обретаемая при соединении полов, тоска по вечности, расколотой в земном мире на бесконечное число «осколков», тоска по Богу... Почему именно тоска, по мнению Бердяева, является источником эроса? Ответ на этот и другие вопросы, возникающие в ходе вхождения в Бердяева через его тексты, на мой взгляд, коренятся в том, в кого мы входим, кто «рождает» *свое* ино-бытие – эти тексты, отражающие мироощущение автора, в данном случае – тоску. Почему же тоскует Бердяев?

В том же «Самопознании» Бердяев буквально подчеркивает, акцентирует внимание читателя на том, что он – изначально, с рождения, одинок и вне-мирен, не укоренен в род человеческий, не чувствует своего родства с род-ителями [3, с. 11], связи с кем-либо или чем-либо в силу изначально присутствующего ему и *ничем* неискоренимого свободо-любия. При этом, как следует из текста, он чувствует свою Бого-оставленность [3, с. 45] и это мучает его, вызывает тоску по соединению с Богом, вечностью. И способом соединения с Богом является, на его взгляд, любовь, причем, не физическая любовь, Афродита Земная, а мистическая любовь мужчины и женщины, Афродита Небесная.

Эротология Н. Бердяева – это эротология мистической любви, которую он противопоставляет, и противопоставляет иногда в очень резких, непримиримых тонах, физиологической любви, «родовой любви». В этом экстатическом противопоставлении про-является его бунтарский дух, на что он также обращает особое внимание в «Самопознании» [3, с. 59]. «Любовь так искажена, профанирована и опошлена в падшей человеческой жизни, – пишет Н. Бердяев в 1949 г., но сегодня это звучит еще более злобно-дневно (увы, злобно, но не добро-дневно...), – что стало почти невозможно произносить слова любви, нужно найти новые слова» [3, с. 71]. И он ищет новые слова и образы любви.

Но... новые слова и образы любви Н. Бердяев черпает из резкого противопоставления и *размежевания* эроса и секса. Не в о-духо-творении секса, а в «уходе» (или «побеге») от него философ видит подлинно человеческую, божественную любовь. «В самом сексуальном акте, – говорит он в «Самопознании», – нет *ничего* индивидуального, личного, он объединяет человека со всем животным миром. Пол безлик, не видит лица» [3, с. 70]. Да, человек продолжает свой род таким же способом физиологически, как и животные, но... (это из-вечное «но», являющееся часто ключевым в человеческой психологии и жизни) в человеке помимо физиологии, тела, существует и душа, дух. И в *истинно человеческом сексе* – эросе происходит соединение *не столько* физическое, сколько душевно-духовное, то соединение, о котором Бог говорил в Своем первом (т.е. *самом важном!*) благословении «Плодитесь и размножайтесь» (Быт. 1: 28). Т.е. *истинно человеческий секс – не просто физиологическое продолжение рода, а богоблагословенный акт творения жизни*. Об этом очень хорошо, на мой взгляд, говорит Бхагван Шри Раджниш: «Если жизнь не священна, то и секс не священен. Если жизнь священна, то и секс священен. Да, секс может стать любовью, а любовь – молитвой. Когда секс станет молитвой, мы придем домой» [4]. *Когда секс станет молитвой... мы придем домой*. Да, секс падшего, грешного человека трудно соединить с молитвой. Почему? Потому, что мы – не Дома, мы скитаемся в без-домье бытия, потеряли свой «Дом в Боге» в акте грехо-падения, доходящего сегодня уже до «Бого-убегания» в паническом страхе увидеть свое истинное, часто звере-подобное лицо. Но внутри самого звере-подобного человека живет Божинка и она вызывает мучительное чувство тоски, тоски по соединению с Богом, тоски по возвращению к себе Бого-подобному, тоску по любви и сексу как молитве... «Вспоминайте о Господе, прикасаясь друг к другу», – призывает М. Эпштейн [1, с. 340]. (Может, тоска Бердяева была вызвана его неспособностью к *такому* сексу и одновременно подсознательному пронзительному стремлению к нему?)

Н. Бердяев, как он сам неоднократно подчеркивает, – певец свободы и творчества. Но творчество видится им, прежде всего, в ментальном и мистическом планах. И хотя он выделяет особо то, что «творческая энергия имеет связь с оргийностью пола» и что «оргийность пола есть положительная творческая энергия» [5, с. 415], к творчеству жизни – зача-

тию и рождению детей – относится крайне негативно, видя в этом лишь животное воспроизводство смерти, ибо всё, что рождается – умирает. «Сексуальный акт, – пишет он в «Смысле творчества», – закрепляет плохую бесконечность, бесконечную смену рождения и смерти. Рождающий умирает и рождает смертное» [5, с. 410]. (Интересно в связи с этим заметить, что эту теорию он воплощал на практике в своей жизни в платонической любви к своей жене).

Тоске по самому высокому, богоподобному творческому акту – творению жизни, Богоподобной жизни – *творению детей* он противопоставляет тоску по мистической любви, тоски по соединению с Богом через исключительно духовный мистический экстаз полов. Да, с точки зрения сексологии и медицины, *зачатие детей* происходит через физиологическое соединение полов. Но здесь в человеке видится только его «животная физиология», ведь начинают детей своих и звери, и птицы, и рыбы. Эротология говорит о *творении детей* – духовно-душевно-физиологическом, богоблагословенном (с молитвой экстатической благодарности Богу!) творческом акте, в который вкладываются все силы духа, души и тела человека и который ведет не к опустошенному физиологическому состоянию, о чем говорит практика и сексология, не к разъединенности и отчужденности соединявшихся, расколотости и обезличиванию личности, о чем говорит Н. Бердяев [5, с. 409, 410], а к просветлению, о чем повествуют восточные психотехники [6], к достижению состояния духовно-душевно-физиологической целостности, выражаемому в религиях понятиями «блаженства», «мокши», «нирваны» и т.д. Другое дело, что *такой* секс – величайшая редкость, но это лишь печальное проявление величайшей редкости истинно человеческой любви и секса (о таком духовно-душевно-физическом слиянии в истинно человеческом сексе прекрасно пишет М. Эпштейн в своей книге «Sola amore» [1, с. 213–214]). Не является ли «обрушивание» Бердяевым своего гнева и обличений на секс в данном контексте повторением, возможно, бессознательным, того церковного видения в сексе лишь греха, который он сам же обличает? Ведь сам же он говорит, что «моральный пафос деторождения, брезгливо презирающий сексуальный акт по существу лицемерный... Если божественно деторождение, то божествен и акт, от которого оно зависит. В этом был свято прав Розанов» [5, с. 424].

Н. Бердяев прав, что сексуальная энергия является источником не только продолжения рода, но и творчества, об этом много говорил З. Фрейд, а до Фрейда – в восточной философии, где кундалины (сексуальную энергию) рассматривали как «огонек», зажигающий «бикфордов шнур» всех чакр и раскрывающий высшую чакру – чакру духа человеческого – сахасрару [6, с. 214]. Но с точки зрения Бердяева, согласно которой «в сексуальном акте есть *неизбежно* элемент разврата, ибо есть дробление и отчуждение половой энергии от цельной жизни тела и духа (курсив мой – Н.Ш.)» [5, с. 401] я никак не могу согласиться. Сексуальная энергия, при ее переключении на творчество, раскрывает духовный потенциал человека, а не «дробит» цельную жизнь тела и духа. Более того, история наполнена примерами того, что именно влюбленность, причем далеко не платоническая, является импульсом для вдохновения и создания величайших творений человечества. Причем, сам Бердяев связывает творчество с эротикой, обращает *особое внимание* на то, что «религиозный смысл любви половой, эротики, в том, что она является источником движения личности ввысь, творческого ее восхождения» [5, с. 434]. Но почему же у Бердяева эта эротика стерилизованная, оторванная, причем агрессивно, категорически, от физиологии? Ведь он сам подчеркивает, что «огненное отрицание сексуального акта есть огненное проявление пола в человеке» [5, с. 400]. Или «огненное проявление пола» в Бердяеве отрицает секс? Почему?

Почему он видит человека лишь в мужчине, а в женщине – лишь пол? Она – «женщина, а не человек», – провозглашает он [5, с. 432]. Да, женщина – пол, пол-человека, но и мужчина – пол, пол-человека. И именно в единстве суженой и суженого, единении родственных духовно-душевно мужчины и женщины рождается состояние андрогинности, и нельзя не согласиться с Бердяевым, что «соединение полов – четырехчленно, а не двучленно, оно всегда есть сложное соединение мужского начала одного с женским началом другого и женского начала этого с мужским началом того» [5, с. 431]. Здесь по-истине имеет ме-

сто чудо: соединение двух пол-овинок рождает два целостных существа. И в то же время одно – муже-деву – андрогина (конечно, на духовном плане).

Учение об обретении андрогинности через половое соединение, эротический экстаз сближает эротологию Н. Бердяева с учениями мистиков об андрогинизме (Я. Беме, Фр. Баадер, Максим Исповедник), а также с восточной философией (индуизма, буддизма, даосизма).

Сам Бердяев обращает внимание на то, что учение об андрогинизме и деградиционных процессах, возникающих при расщеплении целостности человека описано и в Библии [5, с. 403]. Бог сотворил *сначала* человека по Своему образу и подобию (Быт. 1: 26). Не мужчину и женщину, а че-ло-века. По подобию Бога. Бог, конечно, андрогиничен по своей природе (об этом говорится во множестве религий, об этом говорят мистики, в частности Гермес Трисмегист [7], следовательно, и человек, как подобие Бога, андрогиничен по своей природе. Бог – не мужское и не женское, Он – всё. И если бы Бог был носителем лишь мужского, то и создавал бы лишь мужское, ибо то, что вверху, то и внизу. Но это, согласитесь, абсурд. Далее. *Позже* Бог разделяет целостного человека-андрогина на две пол-овинки: мужчину и женщину (вот этот процесс деления на 2 половинки, образование 2-х полов, мужчины и женщины, и объединение этих пол-овинок, полов, в единое целое и осмысливает Н. Бердяев в своей работе «Смысл творчества» в главе «Творчество и пол. Мужское и женское. Род и личность» [5, с. 254–534.]. Но... Это очень важно! Бог говорит им: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и *прилепится* к жене своей; и *будут [два] одна плоть* (курсив мой – Н.Ш.)» (Быт. 2: 24). То есть лишь в единстве мужчины и женщины состоит человек, и лишь в этом *единстве* может родиться дитя человеческое (причем, чем гармоничнее связь мужчины и женщины, тем гармоничнее (счастливее) рожденное от этого союза дитя). Дитя еще не расщеплено на 2 половинки, два пол-а: мужской и женский, оно (не он или она, а *оно!*) целостно. Дитя андрогинично по своей природе.

В даосизме в «Дао дэ цзин» (§ 55) говорится в связи с этим: «Не зная союза двух полов, он (новорожденный младенец – Н.Ш.) обладает животворящей способностью <...> Он совершенно гармоничен» [8, с. 26]. Рассуждая об этом феномене, Е.А. Торчинов пишет: «Здесь младенец (именно младенец: в тексте буквально сказано *чи цзы*, «красное дитя», что означает новорожденного) оказывается образом совершенного мудреца, преисполненного жизненной силы. Младенец является своеобразным андрогином, в котором не произошло еще деления на мужское и женское и который поэтому преисполнен жизненных сил» [6, с. 151]. По мере взросления и обретения своей пол-овой идентификации происходит постепенное расщепления дитя-андрогина на пол человека (1/2 человека). С началом пол-ового созревания (или оцветания андрогинизма?) юноша или девушка все более стремятся найти *свою* пол-овинку. Не просто соединиться с противоположным пол-ом (как в современной опошленной эротике), а найти *свою* половинку! Почему? Почему, не найдя *своей* половинки, человек становится несчастным, более того, сознательно или подсознательно чувствует свою ущербность, не-полно-ценность? Да потому, что в программе человеческого развития заложено достижение утраченного андрогинизма, целостности. И «вся сексуальная жизнь человека есть лишь мучительное и напряженное искание утерянного андрогинизма, воссоединения мужчины и женщины в целостное существо» [5, с. 403], – совершенно верно говорит Бердяев и в то же время этим противоречит сам себе.

Секс многолик: он и источник творчества, и способ достижения целостности, андрогинности, и твочество жизни – детей, и источник наслаждения и вдохновения, и... разврат. Разврат возможен лишь в сексе, хотя, как отмечалось выше, секс сам по себе, как и тело человеческое, – это не только не источник греха, похоти, но источник творчества и целостности человека, источник жизни. Развратно не само по себе сексуальное соединение женщины и мужчины, а характер этого соединения. Если секс основан на любви, если он гармонизирует мужчину и женщину, соединяет пол в целое, то это не разврат. И в этом контексте Бердяев отмечает, что представления о развратности аномалий половой жизни поверхностны и являются лишь «ходячими представлениями». «Наша половая жизнь, – с болью заме-

чает философ, – есть сплошная аномалия, и иногда самое “нормальное” может оказаться развратнее “ненормального”» [5, с. 430]. Так, сексуальные отношения супругов, у которых нет любви друг к другу, Бердяев рассматривает как разврат, ибо суть последнего он видит в противоположности всякому соединению. «Разврат есть разъединение, и он всегда превращает объект полового влечения в средство, а не в цель <...> Любовь к сексуальному акту вместо любви к слиянию в плоть единую – в этом физиология разврата» [5, с. 429].

Противоядиями от разврата являются, по мнению Бердяева, любовь и духовная жизнь [5, с. 430]. Возможно, именно редкость в наше время истинных (а не провозглашаемых) любви и духовной жизни и привели к превращению не только личных взаимоотношений, но и всего общества в, простите, большой публичный дом. И парадоксальность современного культа сексуальности заключается в том, что «разнузданная сексуальность» ведет не к «разнузданному деторождению», а к снижению деторождения и СПИДу. Сексуальное физиологическое удовольствие затмило основной инстинкт всего живого – инстинкт продолжения рода. И причина этого, как на это неоднократно выше указывалось, не в греховности самого секса, а в его характере, в отношении к нему, в видении в нем цели, а не средства.

Любовь земная и Любовь космическая, та Любовь, которая сотворила Вселенную. Об этом думает и размышляет один из неординарнейших русских мыслителей – Николай Бердяев. В эросе он видит космическисозидающую силу мироздания. Эротология Бердяева – это эротология *слияния, духовного единения* мужского и женственного, *мистическое духовное соединение* двух полов и образование целостного бесполого существа муже-девы – андрогинна. Т.е., по существу, эротология, как учение о поле, у Бердяева сводится к отрицанию пола, снятию «половости» и «оргазму духа».

Литература

1. Эпштейн М. Sola amore: любовь в пяти измерениях [Текст] / М. Эпштейн. – М. : Эксмо, 2011 – 496 с.
2. Эпштейн М. Эротология / М. Эпштейн // Артемьева Т.А., Смирнов И.П., Тропп Э.А., Тульчинский Г.Л., Эпштейн М.Н. Проективный философский словарь. – 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/951/word/yerotologija>
3. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) [Текст] / Н.А. Бердяев. – М. : ДЭМ, 1990. – 336 с.
4. Бхагван Шри Раджниш. Белый лотос [Текст] / Бхагван Шри Раджниш. – М. : София, 2005. – 352 с.
5. Бердяев Н.А. Смысл творчества [Текст] / Н.А. Бердяев // Философия свободы. Смысл творчества. – М. : Правда, 1989. – С. 254–534.
6. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния [Текст] / Е.А. Торчинов. – СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1998. – 384 с.
7. Элиаде М. Миф об андрогине, или мистерия целостности. Гл. «Миф об андрогине» [Текст] / М. Элиаде; пер. с фр. Е.В. Баевской, О.В. Давтян. – СПб. : Алетейя, 1998. – 375 с.
8. Дао дэ цзин [пер. Ян Хин-шуна] [Текст] // Дао: гармония мира. – М. : ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. – С. 9–34.

Н.В. Шелковая (Харківський національний педагогічний університет ім. Г.С. Сковороди). *Еротология Миколи Бердяєва.*

В статті виявляються особливості поглядів М. Бердяєва на природу еросу. М. Бердяєв виводить як джерело еросу тугу: туга за втраченою в акті гріхопадіння цілісністю, яка здобувається при з'єднанні статей, туга за Богом. При цьому він різко протиставляє ерос і секс. Не в одухотворенні сексу, а в «відході» від нього філософ бачить справжню людську, божественну любов. До творчості життя – зачаттю і народженню дітей – філософ ставиться вкрай негативно і бачить у цьому лише тваринне відтворювання смерті,

бо все, що народжується – вмирає. На думку Бердяєва, лише в духовно-душевному єднанні чоловіка і жінки народжується стан цілісності людини, її андрогинності. Таким чином, еротологія Бердяєва – це еротологія злиття, духовного єднання чоловічого і жіночого, містичне духовне з’єднання двох статей і утворення цілісної безстатевої істоти муже-діву – андрогина.

Ключові слова: еротологія, стать, ерос, туга, містична любов, містичне з’єднання, андрогин.

N.V. Shelkovaya (Kharkiv National Pedagogical University after G.S.Skovoroda). *Erotology of Nikolai Berdyaev.*

The article reveals the peculiarities of N. Berdyaev’s views on the nature of eros. N. Berdyaev defines longing as a source of eros: longing for the wholeness lost in the act of the fall of man and attained by joining of sexes, longing for the God. At the same time he sharply opposes eros to sex. The philosopher sees a real human divine love not in spiritualization of sex, but in “escape” from it. He opposes longing for the elevated godlike creative act – creation of life, God-like life – creation of children to longing for mystical love, longing for joining with God through exclusively spiritual mystical ecstasy of sexes. The philosopher regards creation of life – conception and birth of children – in an extremely negative way, just as animal reproduction of death, for every living being is born to die. In opinion of Berdyaev, only spiritual-emotional joining of man and woman creates the condition of wholeness of the man, his androgyny. The theory of assuming of androgyny through the sexual joining, erotic ecstasy draws Berdyaev erotology close to the mystics doctrines on androgynism. Thus, Berdyaev’s erotology is the erotology of merging, spiritual unity of male and female, mystical spiritual joining of two sexes and creation of an integral sexless entity man-maid – androgyne. Essentially, erotology as a doctrine on sex is brought by Berdyaev to denial of sex, removal of sex related terminology and to “orgasm of spirit”.

Key words: erotology, sex, eros, longing, mystical love, mystical joining, androgyne.

УДК 30.2+930.1

А.А. ЯХНО (к. полит. н., доц.)

Донецкий национальный технический университет

alex_yakhno@mail.ru

ДУАЛИЗМ И ПАРАДОКСАЛИЗМ В ПЕРСОНАЛИСТСКОЙ ИСТОРИОСОФИИ Н. БЕРДЯЕВА

В статье рассматривается феномен дуалистичности и парадоксальности философии истории Н.А. Бердяева. Основное внимание в данной статье уделено философскому осмыслению исторических, аксеологических и эсхатологических воззрений Бердяева в контексте историософской парадигмы. Предпринимается попытка исследования дуалистичного характера бердяевской персоналистской философии в историософском дискурсе.

Ключевые слова: историософия, антиномия, парадокс, свобода, творчество, дуализм, личность, онтологический, аксиологический.

Интерпретация исторической событийности в религиозно-философской традиции раскрывается в ряде дискурсов и парадигм, среди которых особое место занимает историософская. Основанием историософского подхода выступает признание несостоятельности рационалистской парадигмы истории, невозможности «вынести» бытие и войти в историю и творить ее при полагании только на свои собственные силы и волю. Бог есть и абсолютное общее начало истории и человеческой судьбы, и трансцендентальное свидетельство конечности, предельности понимания природы исторического. Инвариантность Божественного означает метаисторическую сущность предметной среды истории, чем объясняется эсхатологическая направленность.